

Философия за кулисами методологических дискуссий

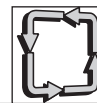
В.Н. ПОРУС

Я, к сожалению, не присутствовал на семинаре, где делал свой доклад Г.Б. Гутнер, и ознакомился с материалами дискуссии уже после того, как они были подготовлены к печати. Поэтому мои замечания – вдогонку, и я прошу извинения у тех, кто не сможет возразить мне немедленно. Впрочем, это можно сделать в последующих выпусках нашего журнала.

Дискуссия об эйдетическом и конструктивном методах построения «идеальных предметов» имеет давнюю историю. Но сегодня она, по-видимому, так же далека от завершения, как в былые времена. И это прекрасно, ибо конец дискуссии превратил бы философскую проблематику, высвечиваемую этой дискуссией, в набор банальностей.

Г.Б. Гутнер призвал к примирению эйдетизма и конструктивизма, имеющих более чем почтенную и всем известную родословную. Но участники дискуссии неоднозначно отнеслись к этому призыву: худой мир, видимо, не всегда лучше доброй ссоры, особенно в философии.

А.Н. Шуман, кажется, испытывает нечто вроде досады, когда слышит приглашения оставить хорошо укрепленный плацдарм, созданный противниками платонизма (на этом плацдарме, где властвует «чистая прагматика» и родственной ей «чистый конструктивизм», а платонизм искоренен *начисто*, Л. Витгенштейн, возможно, еще как-то уживется с «поздним» Э. Гуссерлем с его «жизненным миром» как источником любой предметности и очевидности, хотя, замечу мимоходом, их альянс был бы искусственным и вряд ли прочным; между «интерсубъективностью» у Гуссерля и *meaning as use* у Витгенштейна различий больше, чем сходств, да и сходства-то поверхностные; но уж «раннему» Гуссерлю здесь места точно нет – и не будет!).

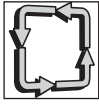

Подоплека дискомфорта видна: платонизм в любой редакции подозрительно близок нагой метафизике, от которой застенчиво отворачиваются современные философы, если только она не прикрыта логико-лингво-аналитическими тряпочками. Но если конструктивизм, как выходит у Б.Г. Гутнера, также не свободен от метафизических нюансов (чтобы построить некий объект, надо иметь его «проект», а откуда ему взяться и как удостовериться в его «интерсубъективности»? Как ни ссылайся на воображение, хотя и обузданное требованием когерентности систем знания, в которые этот проект должен вписаться и прижиться в них, все-таки надо связать его, как и эти системы, с *реальностью* – а это уже «чревато» метафизикой!), то, если быть последовательным антиплатонистом, надо подумать, как бы с него, конструктивизма, эти нюансы отряхнуть. Короче, *a la guerre com a la guerre* и откапывать трубку мира пока никто не спешит.

А.С. Игнатенко почуяла в образе эйдети́зма, нарисованном Б.Г. Гутнером, архаичность, связанную с картезианским пониманием интеллектуальной интуиции. После Ж. Делёза «современная философия» уже *так не мыслит* (современность – это, видимо, все, что идет по стопам философского постмодернизма, никакой другой современности нет *ex definitio* – и все тут!). То, что казалось классикам логичностью и вообще рациональностью, *на самом деле* (!) есть лишь следствие из того (случайного?) обстоятельства, что мы, люди – обитатели евклидова пространства и нам трудно отказаться от *интерсубъективного предрассудка*, будто все логичное совпадает со свойствами этого пространства. Но современная же наука, на радость антиплатонистам, опровергает предрассудок: электрон не признает закона *tertium non datur* и ничего с ним, озорником, не поделаешь, он «может находиться одновременно в разных местах» (!). Современный физический смысл «одновременности» и «места», не говоря уже о том, что́ означает «находиться» – это нюанс, каким, как ни странно, можно и пренебречь. А жаль. Лет сорок назад Н. Решер подметил, что если логическая система (возможно, нарочно построенная, чтобы эксплицировать рассуждения об объектах «микромира», не подвластные законам классической двужначной логики) не содержит в себе формулы закона «исключенного третьего», то это не значит, что такой закон не соблюдается как металогический принцип построения самой этой системы. Выходит, отменять этот закон – все равно, что зарывать живого в могилу (извините за жуткую ассоциацию). Не потому ли борьба конструктивизма с платонизмом в математике не кончена и, видимо, никогда не кончится «победой» одной из сторон¹?

Что до «интуиции», то ведь не случайно, что к ней апеллируют как «платонисты», так и «конструктивисты», и напоминание о том, что Спиноза, Декарт и Кант, Гёдель и Брауэр, Бергсон и Гуссерль в

¹ См.: Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966.

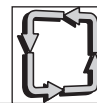

это слово вкладывали разные смыслы, не делает эти апелляции радикально несовместимыми. Какими бы разными они ни были, суть у них одна: к интуиции прибегают тогда, когда нужен неизменный и неоспоримый источник знания, *как будто бы* выведенный из-под контроля со стороны опыта. И сегодня, как прежде, сильны сомнения – не в интуиции, а в этой неограниченности доверия к ней, т.е. в нашей способности решать проблему *обоснования знания* «облегченным» способом, когда интуиция выступает как *deus ex machina*. По этому поводу Я. Хинтика резонно заметил, что в современной философии практика обращения к интуиции таит опасность «самонадеянной иллюзии»: дескать, существует метафизическая необходимость, путь к которой покрывается либо прямым интуитивным скачком, либо опосредованно, через постулирование «возможных миров». Если у философов прошлого доверие к интуиции объяснялось хотя бы их религиозно-метафизическими убеждениями, то нынешняя «секуляризованная» и «деметафизированная» философия склонна видеть в интуиции только полезный источник «угадывающих» гипотез, нуждающихся в подкреплении независимыми свидетельствами².

Если так, то «обоснование» интеллектуальной интуиции «гомогенностью» или «евклидовостью» пространства ровно ничего не проясняет в вопросе о доверии к ней. Делу могли бы помочь умные пришельцы, обитающие в *негомогенном* и *неевклидовом* пространстве, но как-то установившие доверительный контакт с нами. Тогда, сравнив их интеллектуальные интуиции с нашими, мы могли бы поставить решение этого вопроса на экспериментально-сравнительную основу. Боюсь, что до этого *experimentum crucis* нынешним поколениям философов не дожить. Пока же приходится считаться с тем, что когда *гносеологические* вопросы пытаются решать с помощью *онтологических* допущений, то возникают еще более сложные вопросы о том, почему мы должны доверять последним, и здесь *petitio principia* явится неотвратимо.

Как и Е. В. Косилова, я не встречал двух логических систем, в которых «правило отделения антецедента» или *modus ponens* трактовалось бы как-то по-разному. Правда, я не объяснял этого тем, что сей модус выражает «фундаментальную способность мышления устанавливать связь между общим и частным» («если Луна сделана из швейцарского сыра, то дважды два – пять; да, наш спутник, оказывается, сделан из швейцарского сыра; ничего не поделаешь, дважды два – пять и отстаньте со своей арифметикой» – рассуждение *логически* правильное, но где тут общее, где частное? Не разберу). Ну, да не это важно. Интереснее другое: будет ли последовательным платонистом или эйдетистом тот, кто признает за этим правилом статус «идеально-

² См.: Хинтика Я. Философские исследования: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 3–17.

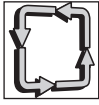

го объекта»? Кажется, что ответ утвердительный: таким статусом вообще обладают все логические правила и законы, и *modus ponens* – не исключение. Но такой платонизм выглядит более чем странным. Возьмем какую-нибудь тавтологию пропозиционального исчисления, например, $((p \rightarrow q) \& p) \rightarrow q$. Соответствует ли этой формуле некий «эйдос», шаблон, существующий «сам по себе» и делающий логичным рассуждение по этому шаблону? Если да, то таким же шаблоном будет и любой результат подстановки правильно построенных формул вместо пропозициональных переменных. Очевидно, что таких подстановок бесконечное множество. Значит, признание эйдетического статуса хотя бы за одним таким объектом немедленно «населяет» мир эйдосов бесконечным множеством производных «тавтологий». Бестолковая теснота в этом мире будет такая, что к нужному эйдосу не протолкнешься. Как заметил К.А. Павлов, логический платонизм связан с «объективистской уловкой», позволяющей избежать психологизма, т.е. «субъективации логики». «Сторонники такого понимания логики предпочитают увязнуть во всех парадоксах платонизма, скептических парадоксах и т. п., лишь бы не покидать надежную, как им кажется, почву “объективизма”»³.

Когда статусом эйдетичности наделяют все, что не сконструировано субъектом, из этой (оп)позиции и в самом деле выходит только мишень для скептицизма. Да и стоит ли называть ее платонизмом? Платоновская «идея» – не «объективистская уловка», она обладает абсолютной и потому вечной и неизменной полнотой содержания. Но логические тавтологии, как замечали еще неопозитивисты, эмпирического содержания в себе не несут, их полнота – это полнота пустоты, пустой «во всех возможных мирах». Не уверен, согласился ли бы Платон с теми, кто населяет мир идей пустышками. Гегель, конечно, говорил о содержательности логических форм, но под последними имел в виду вовсе не формально-логические тавтологии. Хинтикка обосновал тезис о том, что логико-математические истины содержат информацию о реальной действительности, но не ясно, является ли эта информация эмпирической (если да, то в каком смысле?). Если он прав, тем более, логическим модусам нечего делать в мире платоновских идей, ибо они должны меняться вслед за меняющейся (неэйдетической) реальностью.

Итак, призыв к миру выслушан, но мир не заключен. Подозрение вызвал, как мне показалось, образ круга, в котором вращается взаимодействие эйдетизма и конструктивизма при конституировании идеального предмета: «Чтобы конструировать, необходимо иметь эйдетическое видение целого. Чтобы иметь эйдетическое видение целого, необходимо его сконструировать». Круг обозначен четко. Но отно-

³ Павлов К.А. О концепциях логики и смысле моделирования «логических рассуждений» // Философский журнал. 2009. № 2 (3). С. 98.

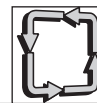

шение к нему может быть различным. Кто-то увидит в нем разновидность *petitio principia* и захочет этот круг разорвать, возвращая противоположности в окопы позиционной войны. Кто-то скажет, что это скорее не круг, а «спираль», каждый новый виток которой связан с изменением идеального предмета: «предпонимание» целого направляет конструктивные акты, подчеркивает нужные исследовательские связи между частями и отодвигает в тень то, что покамест не имеет значения, а в ходе конструирования смутное предпонимание, проявляясь, сменяется отчетливым пониманием, отчетливость возрастает при дальнейшем движении, и таким образом новый круг лежит уже не в прежней «плоскости», а «приподнимается» над нею. Но если так, то вальсирующая по спирали пара преобразуется: эйдети́зм – это «платонизм с человеческим лицом», а конструктивизм – человеческий способ познания, освещенный светом эйдоса. Этот *методологический* подход Г.Б. Гутнера представляется мне верным по сути, хотя хотелось бы, чтобы стоящая за его спиной *философия* заявила о себе более открыто. Возражая же А.Н. Шуману, я бы сказал, что по части бессмысленности «чистый конструктивизм» ничем не уступит «чистому платонизму» и оба являются карикатурами друг на друга. Но в современной (значит, отнюдь не только постмодернистской!) философии преобладает, по-моему, тенденция не сталкивать эти методологические позиции лбами, а рассматривать их как дополнительные друг другу. Доклад Г.Б. Гутнера – в русле этой тенденции. Поэтому адресую ему вопросы, связанные с нею.

Чему служит здесь дополнительность? Ведь мало сказать, что таким образом *мы* лучше (целостно!) понимаем процесс, в котором идеальные объекты возникают, чтобы затем участвовать в познании. Кто такие «мы»? Как эта целостность может вызвать к себе доверие очень по-разному мыслящих людей, а не упреки в том, что она сшита из лоскутов эйдети́зма и конструктивизма по фасону «и нашим, и вашим»? Как заметил Р. Харре, «провал между тем, в чем мы можем быть уверены на основе прямых конкретных данных, и тем, чему мы доверяем», должен быть заполнен социологией знания, обращенной к социальным и психологическим аспектам научных сообществ⁴. Я бы не стал бросать социологию знания в какие бы то ни было провалы, а назначил ей встречу с эпистемологией на Мосту Интерпретаций, где данные социологов были бы истолкованы на основании философских представлений о ценностях и целях познания⁵. Но на эту встречу должны прийти уважающие друг друга и заинтересованные собеседники, а не воинственно настроенные конкуренты.

⁴ Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009. С. 77–78.

⁵ См.: Порус В.Н. На Мосту Интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1, № 4. С. 104–118.

Как далеко можно пойти, взяв методологический принцип дополнительности в качестве ориентира в лабиринтах эпистемологии? Полтора десятка лет назад я был уверен, что он может стать методологической основой реформы понятийного аппарата эпистемологии, позволив объединить усилия философов, психологов, социологов, историков науки и культуры, логиков, «когнитологов» и «синергетиков», создавая возможность для «многомерного», «объемного» рассмотрения процесса познания с использованием различных, специфических для данных областей языков описания и объяснения⁶. Я и сегодня был бы рад оставаться при этой уверенности, хотя она время от времени слабеет, когда видишь, какие разные философские позиции пытаются подпереть этим принципом. Как бы не получилось, что, осознав свою важность, «методология дополнительности» объявит себя «самостийной философией». Вот этого я не желал бы ни в коем случае. Поэтому следует прямо указывать на *философские основания* и последствия конкурирующих *методологических концепций*, не ставя знак равенства между первыми и вторыми, но и не помещая их по разные стороны опасных провалов.

⁶ См.: Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93–111.